

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 200

Къ № 200

Воскресенье, 14-го сентября 1903 года.

Иркутскъ.

Между русскими городами можно различить два типа: города административные, чиновническіе и города торговые, купеческіе. Покойный писатель С. В. Максимовъ одну изъ своихъ статей посвящаетъ характеристикѣ этихъ двухъ типовъ. Въ городахъ второй категоріи преобладаетъ купеческая жизнь; это города съ многочисленными базарами, съ улицами, по которымъ бродятъ толпы ямщиковъ, города лаптей, телѣгъ и навознаго мусора передъ постоянными дворами; улицы обстроены большими каменными купеческими домами съ тяжелыми засовами и воротъ и съ дѣшными собаками во дворахъ; интеллигенція мало, интеллигентныхъ развлеченій, спектаклей, концертовъ, публичныхъ лекцій, по крайней мѣрѣ въ то время, какъ Максимовъ писалъ свою статью, не бывало; ворота купеческихъ домовъ въ 10 час. вечера уже наглухо запирались. Эти города Максимовъ называлъ „излюбленными городами“. Другую картину представляли административные города: это были захудалые города, плохо обстроенные, повѣ въ нихъ были гимназическіе и семинарскіе учителя и были кое-какіе умственные интересы. Та же классификація могла быть приложена и къ Сибири; напримеръ въ тобольской губерніи излюбленнымъ городомъ была Тюмень, административный центръ Тобольскъ далеко уступалъ Тюмени по богатству капиталовъ, городскихъ построекъ и бойкости торговли. Въ Енисейской губерніи до паденія золотопромышленности Енисейскъ торжествовалъ надъ административнымъ Красноярскомъ, въ Забайкальи — Троицкосавскъ надъ Читой. Если взять существовавшее тогда Западно-сибирское генералъ-губернаторство въ его цѣломъ, то въ немъ такой же контрастъ представлялъ „излюбленный“ Томскъ, со своими купеческими домами, съ своей большой оптовой торговлей сравнительно съ Омскомъ, который въ то время называли въ газетахъ „городомъ Акакіевъ Акакіевичей“ и въ магазинахъ котораго былъ товаръ только одного сорта: офицерскіе эполеты и блонды и ленты для офицерскихъ и чиновническихъ дамъ. Въ Западной Сибири торговый классъ и высшее чиновничество имѣли двѣ различныя резиденціи и жизнь ихъ проходила безъ взаимодействия.

Въ Восточной Сибири было иначе; тамъ высшее чиновничество и богатѣйшія въ краѣ торговля, фирмы жили въ одномъ городѣ Иркутскѣ. Два элемента входили въ постоянное общеніе и производили другъ на друга воздѣйствіе. Поэтому иркутское купечество давно стало отличаться отъ купечества другихъ сибирскихъ городовъ. Надо еще прибавить, что чиновническій контингентъ въ Иркутскѣ былъ всегда выше и разнообразнѣе омскаго и томскаго; въ Иркутскѣ, кромѣ тѣхъ отдѣльныхъ управленій, какія существовали въ Омскѣ, при генералъ-губернаторскомъ управленіи были еще отдѣльныя управленія горной частью (въ Западной Сибири горное управленіе было въ Барнаулѣ, а не въ Омскѣ), и морское для заведыванія тихоокеанской эскадрой. Специалистовъ по разнымъ отраслямъ

знанія было въ иркутскомъ штатѣ чиновниковъ болѣе. Кромѣ того на составъ чиновниковъ въ Иркутскѣ вліяло и то еще, что на постъ восточно-сибирскаго генералъ-губернатора попадали иногда такіе выдающиеся государственные люди, какъ графъ Сперанскій и графъ Муравьевъ, которые давали направленіе современной имъ административной дѣятельности во всей Сибири. Ни одинъ сибирскій городъ не былъ резиденціей подобныхъ выдающихся администраторовъ. Томскъ не могъ имѣть этой чести, потому что въ немъ никогда не было резиденцій генералъ-губернатора, а въ Омскѣ не назначали такихъ администраторовъ. Самое популярное имя въ административныхъ традиціяхъ Омска генералъ Канцевичъ, креатура Аракчеева. Въ исторіи общественного развитія въ Иркутскѣ немаловажную роль нужно приписать также домамъ декабристовъ кн. Трубецкаго и кн. Волконскаго, какъ

Общество находило здѣсь иногда произведенія Герцена; тутъ велись споры объ общественныхъ вопросахъ. Постояннымъ почитателемъ этихъ бесѣдъ былъ Щукинъ, бывший директоръ иркутской гимназіи, находившейся въ то время уже въ отставкѣ. Это былъ сибирскій ученый, ботаникъ. Уже старикъ, онъ во многомъ не сходился во взглядахъ съ молодежью и потому былъ главнымъ мишенью для нападеній и злыхъ выходковъ горячихъ головъ, собиравшихся въ кабинетѣ Шестунова, но старикъ держался всегда корректно, велъ споръ съ молодежью спокойно, сохраняя величіе старца, и хотя его противники не стѣснялись высказываться вполне откровенно, никто не пострадалъ, хотя могли бы пострадать, если бы Щукинъ не былъ неподдельнымъ другомъ юношества.

Въ то же время въ Иркутскѣ нѣсколькими лицами, интересующихся литературой и общественными

вопросами, сплотились въ общество, которое периодически собиралось для общаго мѣтній. Общество это было похоже на нѣкоторую организацию; на засѣданіяхъ составлялись протоколы; былъ предсѣдатель и секретарь. Предсѣдателемъ былъ Юрьевъ, который впоследствии былъ вице-губернаторомъ въ Иркутскѣ, а когда вышелъ въ отставку, то долго былъ безземельнымъ предсѣдателемъ Общества вспомоществованія учащимся въ восточной Сибири. Конечно, если бы теперь можно было достать записи преній на этихъ бесѣдахъ, содержание ихъ намъ показало бы невиннымъ, но въ то время многимъ людямъ, воспитаннымъ старыми порядками, они могли казаться разрушительными.

Соборъ во Имя Казанской Божіей Матери въ г. Иркутскѣ.

просвѣтительныхъ салонамъ. Все это въ совокупности придало иркутскому обществу всегда высокое положеніе среди другихъ городскихъ обществъ въ Сибири, такъ что еще недавно Иркутскъ не безъ основанія называли „умственной столицей“ Сибири или „Афинами Сибири“.

Иркутское купечество и вообще средній классъ иркутскаго городского общества всегда считалось наиболее просвѣщеннымъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Сибири. Ни одинъ сибирскій городъ не можетъ назваться въ рядахъ своихъ согражданъ такимъ именемъ, какъ Сибиряковъ, Трапезниковъ, Басиннаго, Бѣлоголова. До 60-хъ годовъ въ купеческихъ домахъ уже были большія собранія книгъ; самой богатой частной бібліотекой въ Сибири была бібліотека Басинныхъ; у тѣхъ же Басинныхъ были большія энтомологическія очень цѣнныя коллекціи. Умственные интересы иркутскихъ были болѣе повышены, чѣмъ въ Томскѣ и Омскѣ. Уже въ 30-хъ годахъ здѣсь былъ салонъ купца Дударовскаго, въ которомъ собирались мѣстные интеллигентные люди.

Движеніе шестидесятихъ годовъ изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ замѣтнѣе всего отозвалось въ Иркутскѣ. Мѣшанинъ Шестуновъ открылъ здѣсь публичную бібліотеку; это была первая публичная бібліотека въ Сибири, и кромѣ того это была небольшая литературный клубъ. Лично знакомые Шестунову подшеники на чтеніе приглашались гостеприимнымъ хозяиномъ въ его собственный кабинетъ и здѣсь за чайнымъ столомъ вели бесѣду о литературныхъ новинкахъ и слухахъ о событіяхъ общественного значенія.

Это было въ шестидесятихъ годахъ; но, какъ рассказывалъ автору этой статьи покойный А. А. Бѣлоголовый, братъ Н. А. Бѣлоголова, подобный кружокъ существовалъ въ Иркутскѣ еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. А. А. Бѣлоголовый называлъ и фамилию предсѣдателя или основателя того кружка (въ родѣ Коркинъ или Кошкинъ).

Въ то время, какъ въ другихъ сибирскихъ городахъ общественное мнѣніе не обнаруживалось, въ Иркутскѣ настроеніе общества уже начало проявляться очень ясно, какъ напримеръ это случилось по поводу дуэли Неклюдова съ Беклемішевымъ. Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ чувствительность иркутскаго общества признавалась самой администраціей и то, что въ другихъ городахъ проходило бесшумно, въ Иркутскѣ вызвало нескончаемые разговоры.

Первая частная газета въ Сибири появилась въ Иркутскѣ, какъ въ первомъ сибирскомъ городѣ. Первый интеллигентный городской голова выбранъ также въ Иркутскѣ.

Прежде говорили такъ: Тобольскъ со своимъ Софійскимъ соборомъ — сибирскій Кіевъ, Томскъ, построенный на холмѣхъ — Москва, а Иркутскъ въ 60 верстахъ отъ выхода Ангары изъ озера — Петербургъ. Подобно Петербургу, Иркутскъ выделяется изъ среды сибирскихъ городовъ своей монументальностью. Его Большая улица самая красивая, самая широкая улица въ Сибири; ни въ одномъ сибирскомъ городѣ нѣтъ такой длинной и прямой улицы, обставленной шегольскими магазинами. Въ Томскѣ самая главная

улицы Почтамтская съ ея продолженіями Миллионной и Садовой не представляется такой пышной, какъ Иркутская улица; она разорвана площадями и въѣздами.

Выдающіяся зданія въ Иркутскѣ: соборъ, театръ и музей географическаго общества, все три построены на деньги, собранныя подпшкой въ Сибири. Иркутяне по праву гордятся этими зданіями передъ другими сибирскими городами. Такіе образцы въ видѣ архитектурныхъ построекъ въ Иркутскѣ представляются и религія, и драматическое искусство съ музыкой и наука; остаются еще живопись, но уже есть надежда, что для нея будетъ построено зданіе. В. П. Сукачевъ, уроженецъ города Иркутска, составляетъ собраніе картинъ русскихъ художниковъ и копій съ иностранныхъ мастеровъ и общается построить зданіе для помѣщенія ихъ и подарить городу.

Монументальная обстановка Иркутска въ будущемъ закончится сооруженіемъ двухъ памятниковъ Императору Александру III и Сперанскому.

Иркутскъ славится своими жертвователями. Кладбищевое народное училище въ Иркутскѣ имѣетъ капиталъ въ 800,000 р., пожертвованный Ал. Сибиряковымъ; Трапезниковское ремесленное училище владѣетъ капиталомъ въ миллионъ руб., пожертвованный Трапезниковымъ; Пономаревъ завѣщалъ городу и Иркутской губ. на устройство школы около миллиона. Городъ украшенъ нѣсколькими большими учрежденіями, основанными на отдѣльныхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ, на примѣръ Кузнецовская больница, устроенная на средства Кузнецова, дѣтская больница на средства Базанова и больница для хрониковъ на средства Медвѣдиныхъ. Рядъ этихъ пожертвованій, благоприятная судьба созданныхъ ими учреждений способствуютъ образованію въ мѣстномъ населеніи общественнаго чувства и создаютъ для города прекрасныя традиціи, располагающія въ богатыхъ согражданахъ къ новымъ усиліямъ къ украшенію города.

Городская жизнь въ Томскѣ блѣднѣе. Тонъ жизни томскаго городского общества болѣе плебейскій. Самый видъ Иркутской торговли развитъ отъ Томской торговли; Иркутскъ вывозитъ на западъ предметы, идущіе на удовлетвореніе роскоши: дорогіе мѣха (соболь, чернобурая лисица), чай и золото; Томскъ — продукты крестьянскаго хозяйства, кожи, сало, масло, шерсть, волосъ и т. п. Иркутскіе купцы ѣздили за мануфактурными товарами по крайней мѣрѣ прежде на Нижегородскую ярмарку, купцы Западной Сибири на Ирбитскую. Томскій купецъ смахивалъ болѣе на московскаго купца, иркутскій — это былъ сибирскій петербуржецъ.

Особенное положеніе Иркутска заключалось еще въ болѣе сильной централизациі его торговли. Въ Западной Сибири кромѣ Томска были и другіе города, которые мало уступали ему въ своемъ развитіи; въ Восточной Сибири Иркутскъ сосредоточивалъ въ себѣ всю торговлю за весь громадный районъ; уѣздные и даже губернскіе города не шли съ нимъ ни въ какое сравненіе.

Г. П.

куривала ихъ, перейдемъ съ жлоба,* а фельдшеръ поидъ своими какими-то лѣкарствами.

Сотекому Петру Головатому было приказано явиться къ станному каждае три дня съ докладомъ: сколько душъ снова заболѣло и сколько умерло.

Становой былъ лютый; обыкновенно по субботахъ, когда являлись къ нему все сотскіе, онъ грубо бранилъ ихъ и осыпалъ вѣчными проклятіями; не разъ, бывало, и шинковъ надастъ, и воду въ казаніе заставитъ носить, и дрова колотъ. А теперь Головатому этукую неприятность приходилось переносить дважды въ недѣлю!

Тяжела служба сотскаго. Всякій, кто откула ни возьмется, — начальство; и старшина съ писаремъ гоняютъ разносить повѣстки, и судья, и судебный слѣдователь водить арестантовъ, доставлять подводу... Народъ кличетъ, нарекаетъ; и для акцизнаго приходится понитыхъ отыскивать... А найди охотника ѣздить потомъ по судамъ свидѣтельствовать... Даже докторъ съ фельдшеромъ, — и тѣ велятъ больныхъ показывать, стогнуть бабъ съ дѣтьми для оспы. Все сотскій, да сотскій!...

Ну, а случись, сохрани Богъ, что-нибудь необыкновенное, — мертвое тѣло или пожаръ, или, какъ теперь, зараза, — пускай ужъ лютымъ ворунамъ такая служба!

Головатый уже третій цѣпь вѣрзаетъ значками, — онъ былъ неграмотный; больныхъ обозначалъ

тамъ? Что же она, бѣдная головушка, станетъ дѣлать съ нимъ одна на чужой сторонѣ? Да и дорога-то такая — одинъ грѣхъ. Пусть уже дома, какъ Богъ дастъ.

Баба сидѣла бокомъ, защищаясь отъ вѣтра, и прижимала къ себѣ мальчика, обернувъ его тулупомъ. Мужикъ шель рядомъ съ возомъ, потому что въ гору было тяжело: лошади тянули изо всѣхъ силъ, а постройки въѣзались въ голую, черную ихъ шкуру. Дальше пришлось остановиться, чтобы дать отдышаться лошадямъ.

— Ой, Петръ, посмотри-ка! — кринула баба, распырвъ немного ребенка. — Кажется, онъ уже отходитъ...

Ивась лежалъ навзничъ; широко открытыя глаза странно глядѣли вверхъ; онъ тяжко и хрипло дышалъ, какъ-то необыкновенно двигая губами и ноздрями.

— Отходить, голубчикъ, отходить... — дрожащимъ голосомъ произнесъ Головатый, наклонясь къ мальчому. — Ивась!... Дитятко!...

Но Ивась не слышалъ или не понималъ.

— Матерь Божія! — плакала баба. — Зачѣмъ было его возить! Пускай бы уже дома, какъ люди, умеръ... Свѣчку тетка дала, — достань-ка да засвѣти ее какъ-нибудь... Тамъ, въ платкѣ...

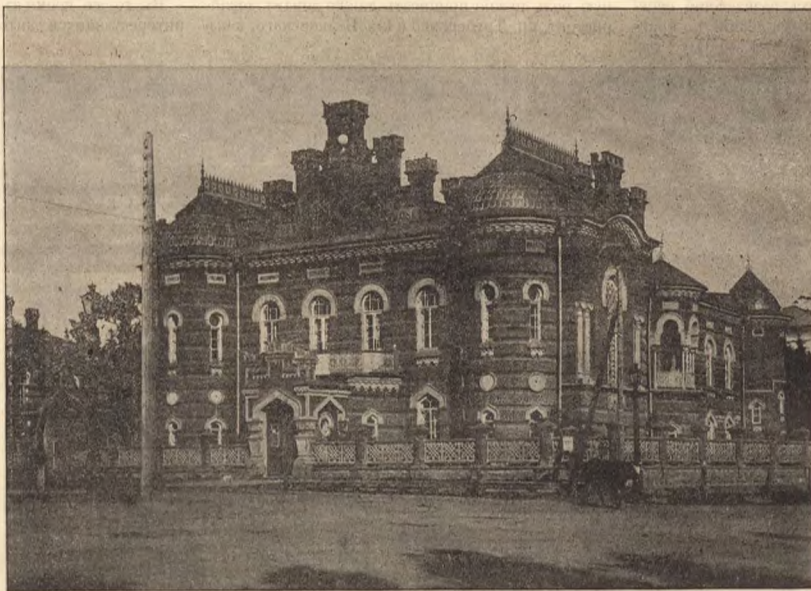
У Головатаго сдвинуло горло. Горе, сердечное горе какъ-то спугало все его мысли. Какъ-будто все это не на самомъ дѣлѣ... Онъ думалъ: «Кривко же утомились лошади, даже парь отъ нихъ поднимается»... Свѣча въ двухъ мѣстахъ сломилась, потому что онъ нечаянно сѣлъ на жерновъ свертокъ. Руки у него замерзли, пальцы заочекнѣли, никакъ со свѣчкой не справишься, потому что воскъ затвердѣлъ на холодѣ... А жена торопила.

— Ой, скорѣе, Петръ, скорѣе...
Онъ присѣлъ, закинулъ на плечи полъ своей свѣчки, чтобы закрывать отъ вѣтра, зажегъ свѣчку — погасла... Другая, третья...

— Скорѣе, скорѣе, а то отойдетъ безъ свѣчки.

Свѣчка, наконецъ, засвѣтилась.
Она они наклонились къ ребенку, закрывая его отъ вѣтра, распрямили пальчики и всунули въ руку свѣчку. Памя ея жердало, воскъ капалъ на блѣдную ручку ребенка...

Ивась уже не дышалъ.

Музей Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. въ г. Иркутскѣ.

онъ одной чертой, а для умершихъ нарѣзаетъ крестики.

Сохрани Богъ не сказать станному хоть про одного ребенка, даже самаго маленькаго, самаго неузнаваемаго!... Становой и самъ доносилъ куда-то большому начальству.

А у Головатаго еще и своя забота дома. Только ему и дѣтей Богъ далъ что одного мальчика Иваса, — на пятый годъ ему уже пошло, — а и того не миновала лихая болѣзнь. Заболѣлъ онъ изъ первыхъ, еще въ заговѣнье, но и до сихъ поръ не поправился. У людей дѣти или поумирали, или давно уже повыздоравливали, а онъ что-то все хрипѣтъ и худѣтъ, пожелѣлъ какъ воскъ, а ножки и животикъ распухли. Орудовала Ляльчиха, какъ знала, навѣдывался не разъ и фельдшеръ, давалъ лѣкарство, у матушки добыли майскаго бальзама, — растирали мальчика. Ничего, ни капельки не легчало.

Въ степи бушевалъ вѣтеръ, рѣзкій, холодный; моросилъ мелкій дождь. Было уже подвѣчеръ. По вязкой дорогѣ пара маленькихъ заморенныхъ лошадокъ едва тянула подводу. Головатый съ женой и съ больнымъ Ивасемъ возвращался домой изъ мѣстечка отъ доктора. Молча и угрюмо ѣхали оба. Докторъ совѣтовалъ оставить мальчика въ больницѣ, потому что болѣзнь его очень трудна и тяжела. Да какъ же покинуть такого маленькаго? Говорили, пусть мать остается съ нимъ. Ну, а если бы, сохрани Богъ, померъ

На ступенькахъ крыльца становой квартиры сидѣлъ въ ожиданіи сотскій Головатый. Становой еще не выходилъ въ канцелярію.

Весеннее утро было ясное, теплое. На улицѣ играли дѣти. Ихъ веселый шумъ нагналъ на Головатаго печальныя мысли.

Такъ вотъ и его Ивась, бывало, игралъ, шумѣлъ, возился; такая же точно бѣленькая головка, чумазый, въ грязной рубашонкѣ, высоко подпоясанный...

Наказанье Господне!...

Припомнилъ тутъ себя Головатый проповѣдь любомірскаго батюшки. За этими хлопотами и въ церковь некогда было сходить, даромъ что постъ; только на Благовѣщеніе и выбрался.

Очень жалостныя проповѣди умѣлъ говорить любомірскаго батюшка, а на этотъ разъ сказать такую, что кое-кто и заплакалъ. Нѣкогда Богъ наказалъ народъ за грѣхи десятия казнями; и муху на хлѣбъ насалъ, голодъ и тьма наступили, появились жабы и еще какаютъ нечисть, а хуже всего то, что дѣти стали мереть. Быть-можетъ, теперь и на насъ нашла кара Божія, — этотъ моръ на дѣтей, — за то, что мы стали забывать о спасеніи. Въ монополію сразу трону протоптали чрезъ болото, а въ церковь не очень-то поторопились, — завязнешь по дорогѣ. Правда, правда...

Наказанье Господне!...

— Сотскій! — крикнулъ кто-то изъ канцелярн...

Головатый сорвался и бросился туда...

Изъ новѣйшей малорусской литературы.

Забывъ.

Рассказъ М. Левицкаго.

Въ Любомірскѣ съ самаго зимняго мясеѣда пошелъ моръ на дѣтей. Бабы называли болѣзнь «краснухой», а фельдшеръ, называясь изъ Рудни, говорилъ «скарлатина». Какъ бы то ни было, дѣти мерли, хотя баба Ляльчиха и под-

В мрачной комнатѣ, о трехъ небольшихъ окнахъ, за длиннымъ столомъ сидѣли двое канцеляристовъ надъ бумагами; а бумагъ была тѣмъ и на столѣ, и на двухъ этажеркахъ, и такъ, кучами, мѣстами на полу; даже на стѣнахъ на гвоздяхъ висѣли бумаги. Было неуютно, холодно; какой-то неясный запахъ постной пищи, огурцовъ и сквернаго табаку распространился неизвѣстно откуда и отъ кого.

Становой, здоровенный и толстый, стоялъ посреди комнаты и кутилъ толстую папироску, покуривая длинные рыжие усы.

— Ну, что скажешь хорошаго?—спросилъ онъ.

— Трое умершихъ, одиннадцать больныхъ,—отвѣтилъ сотскій.

— Гм... Василевскій, дай-тека мнѣ рапортъ фельдшера, что прислали изъ волости.

Одинъ изъ канцеляристовъ, худой долговязый, засадивъ перо за ухо, подобралъ къ этажеркѣ, взялъ оттуда какую-то бумагу и подалъ ее станововому. Тотъ заглянулъ въ рапортъ.

— Врешь, чортовъ сынъ!—крикнулъ онъ на сотскаго.

— Нѣтъ, ваше благородіе, справедливо...

— Справедливо! Называй всѣхъ!

— У Цыганчука—Корвѣй... У Буцацкаго,—двое, Анна и Каленикъ.

— Ну?

— Больныхъ одиннадцать...

— А Головатый Иванъ, чортовъ ты сынъ?—крикнулъ становой громко, угрожая сотскому.

У сотскаго въ глазахъ потемнѣло, весь свѣтъ закружился.

— Это мой... Ивась... Простите, я заблѣлся...

(«Русск. Вѣд.»)

Поминки у киргизъ.

Ни одинъ обрядъ у киргизъ не сопровождается такимъ громаднымъ стеченіемъ народа и такой разнообразной программой торжествъ, какъ поминки. Поминки богатаго киргиза—это тѣлое событіе въ степяхъ, событіе не религиознаго, а общественаго характера; задолго до этого событія киргизы готовятся къ нему и долго послѣ него говорятъ о немъ.

20 июля въ Чувагтаской волости, въ урочищѣ Харагай Джаба, были устроены поминки по двумъ умершимъ киргизамъ—Менаякъ Бечемботовъ, умершемъ въ маѣ нынѣшняго года, и богатою киргизъ Исабекъ Касабаевъ, умершемъ три года тому назадъ. Эти поминки носили чисто дипломатическій характеръ: онѣ являлись примиряющимъ актомъ двухъ враждебныхъ партій волости—партій Минайка и Исабека. Сынъ Менайка Османъ-Куль, нынѣшній управитель Чувагтаской волости и сынъ Исабека—Шике пригласили письмами черезъ управителей десять сосѣднихъ волостей каркаралинскаго уѣзда и одну пограничную волость Семипалатинскаго уѣзда. Давно степь не видала такихъ многолюдныхъ и богатыхъ поминковъ.

Около 6 т. киргизовъ одиннадцати волостей явилось, что бы поминуть умершихъ и посмотреть «байгу», главный пунктъ программы этихъ торжествъ. Хозяевами торжествъ являлись всѣ киргизы Чувагтаской волости, которые и участвовали въ поминальныхъ расходахъ. Каждый изъ киргизъ этой волости везъ своему управи-

телю, кто что могъ, кто рогатую скотину, кто лошадей, а кто барана или нѣсколькихъ, а всѣ почти везли кумысъ—все это направилось къ аудамъ Османъ-Кула и Шике и здѣсь кололось, варилось и разносилось по юртамъ. Съ лишнимъ 200 юртъ было выставлено въ линію киргизами Чувагтаской волости, которые являлись распорядителями въ каждой юртѣ и угощали гостей, прѣбывавшихъ на поминки изъ другихъ волостей.

Угощали на славу. Было заколото 100 лошадей и 250 барановъ и козловъ и выпито около 1 т. сабъ (кожаныхъ мѣшковъ) кумыса и

свою рѣчь своеобразными остротами. Около много остряка собирались слушатели и сопровождали каждое слово, каждый жестъ разсказчика добродушнымъ здоровымъ смѣхомъ. И тѣмъ больше смѣялись слушатели, тѣмъ больше входило въ свою роль разсказчикъ и живо передъ слушателями проносился, въ самыхъ смѣшныхъ положеніяхъ и сценахъ, русскіе «таксыры» (чиновники), киргизскіе управители и бай (богачи-киргизы). То вдругъ мимо развѣнутой линіи юртъ пронеслась дѣлая кавальера киргизъ, испытывая своихъ иноходцевъ. Иная кавальера состояла изъ тридцати влоковъ, мчавшихся вьрядъ. Такіе бѣга не были безцѣльными въ нихъ испытывались иноходы и устанавливалась стоймость ихъ.

На третій день выполнялись главные пункты программы—байга и борьба. Байга или бѣга на призъ скакуновъ—любимѣйшій спортъ въ степяхъ. За долго до байги владѣльцы скакуновъ готовятъ ихъ къ байгѣ. Въ день бѣга каждый разукрашиваетъ своего скакуна, вплетая въ хвостъ, челку и гриву разноцвѣтныя ленты. Что бы скакунъ было легче, на нихъ садятъ дѣтей, одѣтыхъ въ праздничный костюмъ. Въ этой байгѣ участвовали 123 скаковыхъ лошадей, которыя должны были пробѣгать впередъ и обратно 16 верстъ.

Когда всадники скрылись изъ виду, началась борьба. Выходили и боролись на болѣе видномъ высокомъ мѣстѣ по два выдающихся и уже извѣстныхъ въ степи силача. Боролись на призъ; первый

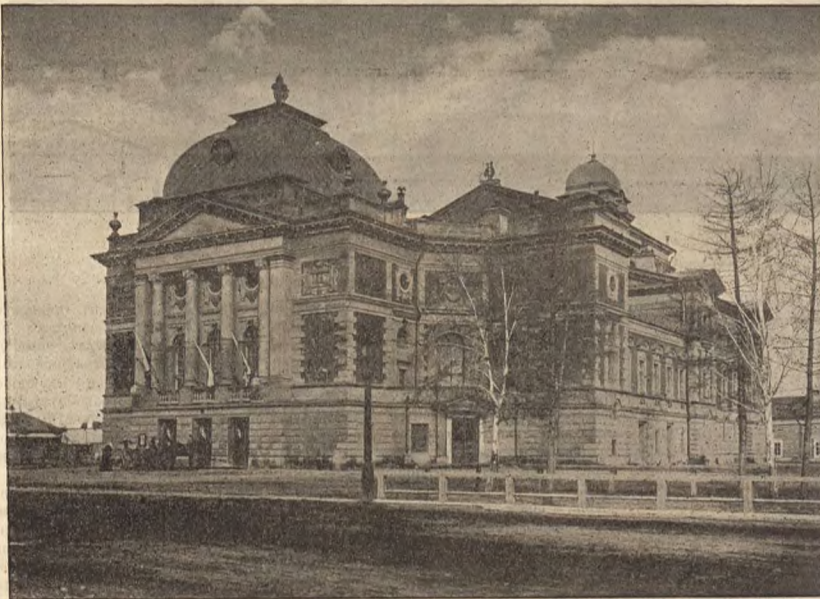
поборовшій получалъ бобровую шкуру и верблюда, 2—лошадь 3—халатъ и т. д., послѣдній—3 $\frac{1}{2}$ аршина ситцу. Окончилась борьба и черезъ нѣкоторое время посыпался топотъ и гиканіе—то неслись во всю мочь на своихъ скакунахъ въ обратный путь маленькіе сѣдоки. Зантересованные въ спортѣ хозяева скакуновъ, родня и пріятели спортсмена съ гиканіемъ подгоняли отстающихъ.

Байга кончилась болѣе солидными призами. Первый получилъ 100 р. и 9 лошадей; второй—4 верблюда, третій—3 верблюда и лошадь и т. д., всѣхъ призовъ было семь. Послѣдній призъ былъ 3 рубля. Окончилась байга—закончилась и торжества поминковъ. Киргизы развѣзались домой, унося на долгіе годы молву о поминкахъ Менайка и Исабека.

В. Д. Митричъ.

Большая улица въ г. Иркутскѣ

Театръ въ г. Иркутскѣ.

100 ф. чаю съ 27 головами сахара. Отдѣная среднимъ числомъ лошадь по 15 руб. за штку, барановъ и козловъ по 3 руб. и сабу кумыса въ 3 руб.—оказывается, что на поминкахъ было сѣдено и выпито на 5250 р., кромѣ чаю и сахару.

Въ каждой юртѣ въ первые два дня пили, ѣли, передавали послѣднія новости, циркулировавшія въ степяхъ, а въ нѣкоторыхъ, собравшихъ около пѣвца, слушали его импровизаціи, которыя онъ пѣлъ подъ мягкіе звуки самодѣльной дямбры. Импровизировали пѣвцы на злободневныя темы—то восхваляли, то осмѣивали какого нибудь управителя или богатаго киргиза, а чаще всего пѣли хоровыя киргизскія пѣсни.

По громадной площади, занятой поминками, степенно развѣзались группами киргизы; они или сосредоточенно молчали, или пересыпали

Къ рисункамъ.

Музей Восточно-сибирскаго отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества. Старый музей Отдѣла, возникшій при графѣ Муравьевѣ, помѣщался въ двухэтажномъ домѣ на Муромской улицѣ (здѣ нынѣ зданіе отдѣленія госуд. банка); этотъ домъ сгорѣлъ въ большой пожаръ 1879 г. Въ то время сгорѣла вся его бібліотека и всѣ коллекціи числомъ до 20.000 номеровъ. Послѣ пожара въ управленіе краемъ вступилъ генералъ Анучинъ. Онъ привалъ мѣры къ восстановленію коллекцій. Была открыта подписка, которая дала 40.000 рубл. На эти деньги было построено новое каменное зданіе въ два этажа на углу Большой улицы и набережной Ангары. Строителямъ зданія былъ

архитектор барон Розенъ; оно выстроено съ примѣсью мавританскаго стиля. Во фронтонѣ помѣщено изображеніе глобуса, а вдоль карниза выгравированы имена путешественниковъ по Сибири и ея изслѣдователей, имена Менершендта, Палласа, Гмеллина, Георга, Крашенинникова, Миддендорфа и друг. Эти подписи вклучко выставили мѣстное, областное значеніе учрежденія; въ самомъ дѣлѣ оно по самой своей задачѣ объединило всѣхъ тѣхъ, кто занимался изученіемъ края или по любви къ нему, какъ къ своей родинѣ, или по любви къ наукѣ. Въ мѣстномъ обществѣ образовались симпатіи къ учрежденію; вокругъ свромнаго храма науки собралась семья друзей просвѣщенія; дѣятельность Отдѣла и его музея пробудила въ мѣстномъ населеніи желаніе увеличивать знаніе объ окружающей природѣ и о мѣстныхъ условіяхъ человѣческой жизни; мѣстное общество не могло болѣе оставаться равнодушнымъ къ исторіи Отдѣла и къ росту музея. Особенно ясно было сознано, что музей и Отдѣлъ получали значеніе областного учрежденія въ торжественные дни пятидесятилѣтія юбилея Отдѣла въ 1900 г. Въ этой связи учрежденія съ мѣстнымъ обществомъ создало свое благоприятное положеніе для науки. Путешественникъ или ученый, захващивъ въ край для изслѣдованій, не будетъ чувствовать, что онъ работаетъ въ одиночествѣ, среди безучастныхъ зрителей, работаешь только для удовольствія личной потребности собственнаго духа; нѣтъ онъ будетъ чувствовать, что окружающая его среда смотритъ на его работу благодарными глазами. Такими мѣстными симпатіями, какими пользуется иркутскій музей, не пользуется у насъ, къ сожалѣнію, и сибирскій университетъ. Однаковія симпатіи сибирское общество питаетъ только къ минусинскому музею. Вотъ два учрежденія, о которыхъ можно сказать, что они владѣльны областными симпатіями, а о минусинскомъ, что онъ и созданъ ими.

П.

Соборъ во имя Казанской Божіей Матери въ Иркутскѣ. Достроенъ соборъ подъ руководствомъ архитектора барона Розена. Два имени связаны съ этимъ соборомъ, имя иркутскаго епископа Веніамина, при которомъ соборъ достроенъ, и имя золотопромышленника Плетюхина, который своими средствами помогъ достроить зданіе.

Общій видъ Иркутска. Зритель стоитъ въ сѣверномъ концѣ Большой улицы, обратившись лицомъ на югъ; южный конецъ улицы управляетъ въ Ангару; на заднемъ планѣ Кайская гора, которая тянется по противоположному берегу Ангары; по горѣ расцвѣты дома Глазковского предмета. Въ южномъ концѣ Большой улицы на лѣвой сторонѣ можно усмотрѣть куполъ городского театра. Правѣ Большой улицы видна Гусевская, а вправо отъ нея значій фасадъ зданія мужской гимназіи и за нею Харлампіевская церковь.

Большая улица въ Иркутскѣ. Самая длинная улица въ Иркутскѣ—длинной около 1 1/2 версты, разсѣкаетъ городъ на двѣ части—западную и восточную, южнымъ концомъ управляетъ въ Ангару, сѣвернымъ въ р. Ушакую. На ней сосредоточены всѣ дучіе магазины. Изъ общественныхъ зданій въ этой улицѣ находятся: музей географическаго общества, театръ, четырехклассное городское училище, церковь Благовѣщенія и лотеранская церковь. На намѣстѣ рисунокъ представляетъ видъ съ юга на сѣверъ. Прямизна и отсутствіе деревянныхъ построекъ (послѣ пожара по постановленію городской думы на ней запрещено строить деревянные дома), большіе магазины и движеніе толпы дѣлаютъ эту улицу самой блестящей въ Сибири.

Театръ въ Иркутскѣ. Каждый иркутскій генералъ-губернаторъ какъ-будто считалъ неперемѣннымъ своимъ долгомъ оставить послѣ себя городу Иркутску какой нибудь памятникъ въ видѣ дорогого сооруженія. Такъ памятью о генералъ-губернаторѣ Анучинѣ осталось зданіе музея Географическаго общества, о генералъ-губернаторѣ Пантелѣевѣ должна будетъ напоминать воздвигаемая на берегу Ангары статуя императора Александра III, генералъ-губернаторъ Горемыкинъ оставилъ городу память о себѣ въ видѣ зданія театра.

Ранѣе зданіе театра было деревянное; въ то время, когда краемъ управлялъ А. Г. Горемыкинъ, оно сгорѣло; генералъ-губернаторъ принялъ театральное дѣло подъ свое покровительство: онъ устроилъ подписку по всему краю, и въ 1897 г. было построено новое каменное зданіе, которое теперь представляется самымъ большимъ театромъ въ Сибири. Постройка зданія обшлась, кажется, въ 170 000 р.

До пожара театръ находился во владѣніи иркутскаго благотворительнаго общества. Эти подчиненныя отношенія театра образовались такимъ образомъ. При генералъ-губернаторѣ Синельниковѣ поднялся вопросъ о постройкѣ театра; гдѣ было взять денегъ? придумали употребить на постройку театра капиталъ благотворительнаго общества, а за это обществу предоставить доходъ отъ зданія. Капиталъ общества былъ недостаточенъ; чего не хватало дополнили подпиской въ городѣ, при чемъ подписка производилась какъ будто въ пользу благотворительнаго общества. Ставя театръ въ такую зависимость отъ благотворительнаго общества, не позаботились опредѣлить срокъ времени, когда это подчиненіе театра обществу должно прекратиться. И вотъ до времени генералъ-губернатора Горемыкина благотворительное общество было хозяйникомъ театра, и такъ какъ сборъ съ театра былъ значи-

ные вкусы собственно въ мѣстномъ населеніи, какъ въ Иркутскѣ. Иркутское общество вынесло два сезона оперы; иркутская сцена имѣетъ традиціонныя имена; когда то на ней играла Горева; въ позднѣйшее время въ памяти Иркутска оставила слѣдъ г-жа Киселева, въ которой иркутское общество увидѣло артистку, относившуюся къ сценической дѣятельности, какъ въ обществуому служению.

Задача театральнаго коммисіи послѣдствіемъ должна расширяться. Мало одной заботы о выборѣ пьесъ или о составѣ труппы; лица, которымъ ввѣрена забота о мѣстной сценѣ, должны открыть причины, почему не появляется мѣстное драматическое творчество. До тѣхъ поръ, пока не возникнетъ мѣстной театры, театральныя вопросы нельзя считать окончательно разрѣшеннымъ.

Г. П.

Изъ области физическихъ явленій.

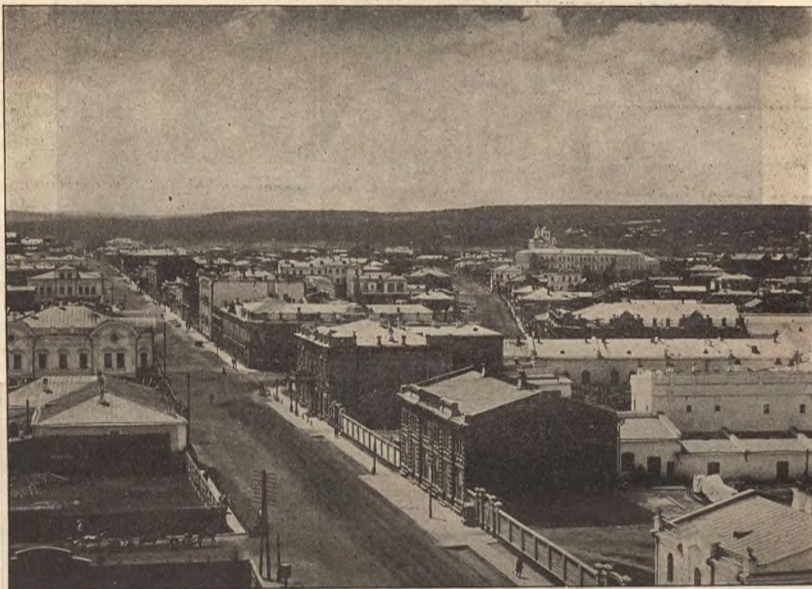
По словамъ польской газеты „Prziesiada literacka“, въ этомъ году Австралія много потеряла отъ небывалой засухи. Впрочемъ, въ южномъ Уэльсѣ засуха даетъ себя знать уже семь лѣтъ подрядъ. Засуха же въ этомъ году наблюдается по всей Австраліи. Благодаря ей, открылся страшный падежъ на овецъ,—считаютъ, что овецъ пало милліоны и даже десятки милліоновъ головъ. М. Saughey изъ 1.250 000 штукъ овецъ остались только 220.000. Вслѣдствіе засухи травъ на лугахъ нѣтъ почти вовсе, и овцу приходится кормить не свѣжей луговой травой, а всевозможными растительными консервами, въ родѣ пресованной люцерны, кукурузы и др. зеренъ, выписываемыхъ изъ другихъ мѣстъ, отстоящихъ отъ мѣстъ разведенія овецъ на 500 и болѣе английскихъ миль, что, конечно, сопряжено для овцеводовъ съ большими расходами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для процесса кормленія овецъ и для доставки имъ воды крупныя овцеводы принуждены содержать, вмѣсто незначительнаго числа пастуховъ, немалый комплектъ рабочихъ. Такъ напр., въ мѣстности Буравангъ владѣлецъ 110 000 овецъ принужденъ держать 130 человекъ рабочихъ, занятыхъ исключительно кормленіемъ овецъ и доставленіемъ имъ воды.

Такой страшной засухи старожилы не запомнятъ; деревья усыхаютъ отъ недостатка влаги, птицы и животныя гибнутъ отъ жары и жажды, даже такія трусливыя животныя, какъ кенгуру и двугорбая гонимая жаба, приходятъ къ усадьбамъ людей.

Права, и въ данномъ случаѣ, какъ и всегда,—нѣтъ худа безъ добра. Наряду съ падежемъ полезныхъ животныхъ, овецъ, лошадей и рогатаго скота, засуха вызвала и страшный падежъ кроликовъ, считающихся однимъ изъ значительнѣйшихъ бичей австралийскаго сельскаго хозяйства, не менѣе, если не болѣе, значительнаго, чѣмъ суслики въ южно-восточной Россіи.

И сѣверное полушаріе ознаменовалось въ этомъ году—необычайнымъ количествомъ ледяныхъ горъ, появившихся въ сѣверныхъ частяхъ Атлантическаго океана въ мартѣ и въ апрѣлѣ мѣсяцъ. Бельгійскій корабль „Pennlaud“, напр., во время своего плаванія между Европой и Америкой встрѣтилъ на пространствѣ 158 морскихъ миль—72 ледяныя горы. Хотя гидрографическое бюро въ Нью-Йоркѣ предупредило всѣхъ находившіяся тамъ моряка суда и всѣ выходившія въ океанъ суда были приготовлены къ встрѣчѣ съ ледяными горами, достигавшими иногда 60 метровъ въ вышину, все таки не всѣмъ имъ удавалось вполне безпрепятственно совершать свой рейсъ, такъ, напр., шведскій корабль „Oskar“ былъ забаррикадированъ имъ впрололоженій духу сутокъ, а французскій корабль „La Lorraine“ наткнулся на огромный ледяной островъ въ нѣсколько сотъ миль длины, миль 50-ть ширины и довольно значительной высоты.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Общій видъ города Иркутска.

тельной его доходной статей, общество не было расположено отказаться отъ своихъ правъ на театр.

Интересы тѣхъ лицъ, которые высоко цѣнивають значеніе театра и видятъ въ немъ народную школу, столкнулись съ интересами благотворительнаго общества, смотрѣвшаго на театръ только, какъ на источникъ доходовъ. Городская дума еще до пожара оспаривала право благотворительнаго общества на театръ, а теперь, когда городъ былъ привлеченъ къ расходамъ по постройкѣ новаго зданія и когда деньги жертвовались прямо на театръ, право благотворительнаго общества стало еще болѣе сомнительнымъ. Генералъ Горемыкинъ принялъ сторону противниковъ благотворительнаго общества и отчужденія театра отъ общества совершилосъ. Новый теперешній каменный театръ представляетъ имущество города.

Кромѣ этого А. Г. Горемыкинъ провелъ еще и другую мѣру, необходимую для поддержанія доброй славы театра. Онъ разрѣшилъ учредить при городской думѣ театральную коммисію; это рѣдъ дѣятели режиссеры. Коммисія ведетъ переговоры съ антрепренерами объ арендѣ театральнаго зданія и заботится о серьезномъ характерѣ репертуара. Этимъ актомъ иркутскій театръ былъ поставленъ въ рядъ другихъ образовательныхъ учрежденій, состоящихъ подъ опекой городского самоуправленія, какъ народная школа, библиотека и пр. Коммисія придала ему воспитательное значеніе; мы должны здѣсь отмѣтить особенно полезныя для театра труды въ предѣлахъ дѣятельности коммисіи ея бывшаго члена А. А. Корнилова. Только когда театръ поставленъ подъ надзоръ коммисіи изъ представителей городского самоуправленія, онъ перестаетъ быть балаганомъ. Если не ошибаемся, такое положеніе театральнаго дѣла существуетъ въ одномъ Иркутскѣ и потому ни въ какой другой мѣстности Сибири не повышены такъ театраль-